

Опаленные войной

Отечественная война 1941-45 гг. коснулась каждой семьи. Пытаясь оценить вклад в Победу своих близких, останавливаюсь на судьбе братьев Третьякевичей.

Мой отец - Третьякевич Михаил - был в партизанах, его средний брат Владимир - прошел всю войну, участник встречи на Эльбе. Младший брат Виктор, молодоговардеец, замучен фашистами и казнен в Краснодаре. Гибель Виктора - это трагедия нашей семьи, которую пришлось пережить дважды. После своей мученической смерти Виктор был оклеветан, стал жертвой мифологии, сочиненной на государственном уровне. Его братья стали братьями «предателя», их семьи всю жизнь испытывали глубокую боль и горечь, им была нанесена рана, которая до сих пор не заживает.

Вспоминаю своих несчастных дедушку и бабушку - Иосифа Кузьмича и Анну Иосифовну, на долю которых выпало тяжкое испытание - смерть 18-летнего сына - комиссара «Молодой Гвардии», клевета на него и забвение его имени как молодоговардейца на целых 16 лет. Мать Сергея Тюленина Александра Васильевна не раз рассказывала об одном эпизоде (газета «Пульс», сентябрь 1992 г.):»Когда награждали Золотой звездой Героя Советского Союза пятерых молодоговардейцев, то были приглашены в клуб им. Ленина все родители молодоговардейцев. Иосиф Кузьмич Третьякевич шел впереди нас с матерью Вити Анной Иосифовной. У входа в зал милиционер отстранил отца Вити, заявив: -А вам здесь делать нечего! - У Иосифа Кузьмича подкосились ноги, и он упал. Мы помогли его донести до соседнего дома». А ведь на глазах дедушки и бабушки у них в домике на Шанхае, (район Краснодона, беспорядочно застроенный невзрачными хатами, расположенными вдоль яра - их называют здесь «землянки» или «мазанки»), проходило зарождение и становление «Молодой Гвардии», они были свидетелями от первого до последнего заседания штаба.

Когда доставали казненных молодоговардейцев из шурфа шахты, у бабушки не хватило сил пойти туда, а дедушка ходил, но, как и другие родители, был настолько убит горем, что находился как в тумане.

И каждый раз, в течение многих лет, когда я приезжала их поведать, они только и говорили о Вите, только и вспоминали его.

Дедушка не дожид до того дня, когда их сына, наконец, реабилитировали...

А как жаль, что талантливый роман Фадеева «Молодая Гвардия» теряет совершенно свою ценность от того, что пропитан ложью и его просто неприятно читать.

Когда-то давно мне встретилась заметка о переживаниях артиста Е. Моргунова, исполнявшего роль предателя Стаховича в кинофильме «Молодая Гвардия», (в котором все угадывали черты Третьякевича) о том, что другие родители могут ходить к родителям своих героев, а он не может, так как ему неудобно идти к родителям предателя и о чем-то их расспрашивать. А я подумала - жаль, что не пошел к ним, он увидел бы очень скромных стариков, увидел бы обстановку, в которой жил Виктор, узнал бы о его интересах. И, может быть, усомнился в правильности образа у Фадеева, и сыграл бы эту роль по-другому.

То, что случилось с Виктором, его переломанная судьба, лежит на совести многих людей. Приведу слова журналиста Кима Костенко о «Молодой Гвардии»:

- И если в угоду каким-то идеологическим и конъюнктурным или каким бы то ни было другим соображениям мы позволили незаслуженно оскорбить память кого-то из них - как же может оставаться спокойной наша совесть? («Комсомольская правда», 5 января, 1989 г.).

Комиссар Ворошиловградского партизанского отряда, мой отец - Третьякевич Михаил Иосифович.

Хорошо, когда существует домашний архив. Материалы собирал отец, его брат Владимир и мой брат Витя. Никого уже нет в живых. Витя был последним, кто в 90-х гг. упорядочил всё, разложил по папкам, пронумеровал их и составил перечень всех имеющихся материалов. В основном, они касаются судьбы дяди, младшего брата моего отца - молодогвардейца Виктора Иосифовича Третьякевича. Но, кроме этого, собраны материалы и о партизанском отряде отца. Правда, была издана небольшая книга об отряде «Мужество коммунистов», но многие подробности не вошли в книгу, которые имеются в воспоминаниях отца. Мне захотелось в память о нем собрать всё вместе, что есть, и добавить свои, к сожалению, немногочисленные воспоминания. Хочется отдать должное отцу и его товарищам по отряду, отметить ещё раз их самоотверженность и героизм, их желание вести борьбу в тылу врага, несмотря на отсутствие опыта, хорошей подготовки отряда и его малую защищённость

Краткая биография отца

Третьякевич Михаил Иосифович родился в Москве, в 1910 г. Его отец, Иосиф Кузьмич, работал в мастерских по ремонту резиновых шин. После революции в связи с голодом в Москве семья переехала в село Ясенки Воронежской области (сейчас Курской).

Папа по национальности белорус, образование - сельская школа, рабфак и заочно два курса Московского института совторговли. Уже после войны, в 1951 г. был направлен на учёбу в Москву в Высшую торговую школу, которую он окончил в 1954 г. с отличием. К моему стыду я только сейчас узнала, что папа так хорошо учился. В дипломе 18 экзаменов - отлично, и только один - хорошо, два госэкзамена - отлично, дипломная работа - отлично (на весьма прозаическую тему - «Накладные расходы по завозу, хранению и реализации картофеля и овощей»). В дипломе указана квалификация: экономист - организатор советской торговли.

С 1927 по 1930 г. работал забойщиком на шахте в Ровеньках, с 1931 г. на комсомольской работе, с 1932 его переводят на торговую работу, с 1937 г. до начала войны - зам. директора универмага, директор торгова.

В сентябре 1941 г. его избирают вторым секретарём Октябрьского райкома партии г. Ворошиловграда, а в феврале 1942 г. бюро Обкома утвердило отца третьим секретарём горкома партии.

При просмотре домашнего архива встретился мне партизанский билет № 584 от Комиссии по делам бывших партизан Украины. В нём написано:

Предъявитель сего тов. Третьякевич Михаил Иосифович в период Великой Отечественной войны был участником партизанского движения и подпольных организаций на Украине с июля 1942 г. по февраль 1943 г.

Председатель районной комиссии при Ленинском райисполкоме г. Луганска 24 мая 1968 г. (Голдобин).

Как раз летом 1968 г. отец предложил съездить в хутор Паньковку на берегу Донца, где недалеко находился их отряд в 1942 году. Поехали отец с мамой, я с мужем и детьми. Там встретились с двумя женщинами - Удовиченко Матреной Сидоровной и Павленко Софьей Александровной - которые помогали партизанам продуктами и пекли для них хлеб (продуктами их снабдили заранее). Целый день вспоминали, беседовали, Павленко показала нам сарай, который находился под крыльцом, где однажды просидел всю ночь связной отряда, брат отца Виктор. Он пришел за хлебом для отряда, переплыл Донец с другого берега. Пока Софья Александровна собирала продукты, Витя находился в сарае. Вдруг в это время зашли немцы и долго не уходили. Виктору пришлось сидеть в этом сарае всю ночь, и хозяйка переволновалась и Виктор.

Мы прогуливались по лесу вдоль Донца и не переставали удивляться, как можно было спрятаться от немцев в этом небольшом лесу, где всё хорошо просматривалось. Но это было самое подходящее место, учитывая территорию деятельности отряда. Отец говорил, что до войны этот лес казался непроходимым, а когда возникла необходимость укрыться в нём, он

оказался совсем небольшим. По этой причине и партизанские отряды здесь создавались сравнительно малочисленные.

Создание отряда

О создании партизанского отряда было решено в ЦК партии Украины. По ходу рассказа я буду приводить отрывки: из книги Емченко Г. и Письменовой И. «Мужество коммунистов» /Изд. политической литературы Украины, Киев, 1967 г., перевод с укр. мой/, а также из стенограммы беседы научного работника ЦК КПБУ Поповой Е. С. с Третьякевичем М. И. от 5 мая 1945 г., и из воспоминаний отца.

Он вспоминает:

«Осенью 1941 г. создалась тяжелая обстановка - фашисты подкатывались к Донбассу. Мариуполь, Павлоград, Полтава были оставлены нашими войсками. 10-го октября впервые совершен налет на наш город - несколько бомб попало в санитарный поезд, было убито 49 человек. Началась эвакуация предприятий и населения. Работая в это время 2-м секретарем Октябрьского РК партии, я знал, что создается подпольная организация и твердо решил остаться в тылу врага.

11-го октября 1941 г. приезжает секретарь ГК партии Яковенко Иван Михайлович, задает мне вопрос:

- Как ты смотришь на то, чтоб остаться для работы в тылу у немцев ?

Я, ни секунды не размышляя, ответил:

- Я готов.

12 октября - день разлуки с семьей, жена и дочь выезжали в глубокий тыл.

Я помню этот печальный день. Это был день рождения папы - ему исполнился 31 год. На окраине города стоял состав из теплушек, куда мы погрузились. Моросил дождь, лица у нас были мокрые и от слез и от дождя. Мама с папой отошли в сторону от вагона. Мама ему говорила, что если бы не я, она осталась бы с ним. Уже тогда намечалось, что в случае оккупации города, отец останется в партизанском отряде. При расставании я удивлялась, что мама

крепко держалась и не рыдала, а даже папе пыталась говорить всякие мужественные слова.

С каждым днем становилось все тяжелее. Нужно было эвакуировать паровозостроительный завод им. Октябрьской Революции (ОР). Заходишь в цеха завода, где рабочие демонтируют оборудование, и видно, как им жалко это делать - ведь столько вложено труда в создание такого красавца, как завод им. ОР. Но деваться некуда - через город уже отступали на восток части нашей 12-й армии.

20 октября 1941 г. наши войска оставили город Сталино (Донецк). Угроза оккупации нависла над Ворошиловградом. Встал вопрос об организации подполья. Вся территория области разбивалась на ряд районов, где должны были действовать самостоятельно подпольные обкомы партии. Один из них должен был возглавлять Яковенко Иван Михайлович - тогда 1-й секретарь ГК партии. Его вызвал к себе 1-й секретарь обкома Гаевой А. И., у которого в это время в кабинете находился и секретарь ЦК КПБУ Коротченко Д. С. Там и было сказано, что организация и руководство партизанским отрядом ЦК и Обком партии возлагают на Яковенко.

На вопрос Гаевого, кого бы он хотел иметь комиссаром подполья, Яковенко остановился на кандидатуре Третьякевича Михаила Иосифовича, который в то время был 2-м секретарем Октябрьского РК партии Ворошиловграда (с февраля 1942 г. 3-й секретарь ГК партии). Кандидатура его была одобрена. В книге «Мужество коммунистов» написано, что Яковенко «прекрасно понимал, что комиссар должен быть политически зрелым и кристально чистым коммунистом, человеком, на которого можно положиться, как на себя самого. С Третьякевичем они имели много общего - были ровесниками, у обоих было безрадостное детство, оба начали рано работать, оба связали свою юность с комсомолом. Несмотря на молодость, имели большой опыт работы с людьми».

Потом Яковенко вместе с Третьякевичем наметили план действий: нужно было познакомиться с людьми, которые проходили спец подготовку для работы в тылу, подобрать связных, явочные квартиры, установить пароли, подумать об оружии и размещении продовольственных баз. Около 2-х месяцев продолжалась эта кропотливая работа. Меня удивляло, что даже надо было

думать о структуре партийной организации в тылу врага: парторганизация строилась там по принципу - обком, горком, райкомы и первичные ячейки.

Но вот к концу 1941 г. наступление на Донбасс приостановилось, фронт находился в 70-80 км от Ворошиловграда. Угрозы оккупации не стало и партизанский отряд в 1941 г. организован не был.

Потом началось летнее 1942 г. наступление немцев. Противник прорвал нашу оборону в районе Изюма и Барвенково и начал двигаться на восток. Совинформбюро сообщало, что нашими войсками оставлен Купянск, Валуйки.

Отец рассказывает:

Штаб Южного Фронта размещался в пригороде Ворошиловграда Малая Вергунка. Мы часто встречались с командованием фронта, в частности, с его командующим Р. Я. Малиновским. 7 июля были у него, слышали его разговор со Сталиным. Немцы прорвали оборону и заняли север области. Малиновский сказал, что днями и город будет оставлен нашими войсками.

С 7-го июля 1942 г. мы начали усиленно готовиться для работы в тылу врага. Вечером были у Коротченко Л. С. и Гаевого А. И. они сообщили нам, что Яковенко снова назначен командиром партизанского отряда и секретарем подпольного обкома партии, а я - комиссаром отряда и секретарем подпольного горкома партии.

За полночь возвратились в горком из ЦК КПУ. Иван Михайлович поручил мне заняться доформированием отряда, материальным обеспечением и оружием. Одну из комнат в горкоме превратили в склад автоматов, полученных на всех участников, патронов и другого снаряжения. Ночевали в горкоме...

Командиры групп нас ожидали в горкоме. Мы им рассказали о беседе в ЦК, о задачах. Дали задания командирам групп, что им делать до выхода в лес.

Была намечена сфера деятельности отряда - это город Ворошиловград и прилегающие районы (Александровский, Верхнетепловский, Станично-Луганский и Новосветловский).

Таким образом, организацией отряда пришлось заниматься дважды - в 1941 и в 1942 годах. Из ранее подготовленных в 1941 г. людей уже почти никого не осталось - кого взяли в армию, кто уже был во вражеском тылу.

Отец подробно рассказывает, как они подбирали людей: в основу брали поведение человека на протяжении последних 10 лет с «точки зрения преданности делу партии». Людей вызывали в кабинет и с каждым беседовали о том, что создается партизанский отряд, не раскрывая своей роли в отряде, предлагали вступить в состав отряда. Некоторые отказывались. Например, начальник турбинного цеха ТЭЦ, начальник автоматного цеха. Они сели в эшелон и эвакуировались. «Мы даже им пригрозили, говорили, что их поведение антипартийное и будет рассматриваться парторганизацией. Но разбираться подробно было некогда, уже было 12 июля.

Тех людей, которые отказывались, а потом соглашались, мы не оставляли в отряде, не доверяли им.»

Конечно, за неделю тщательно провести работу было трудно, отряд был создан поспешно. Они рассчитывали, что есть еще две недели срока, а оказалось не так. Немцы наседали и 14 июля партизаны должны были уже войти в лес.

Отряд разбили на 4 группы во главе с проверенными людьми. Каждая группа имела свой участок работы и место нахождения.

Много было еще досадных неурядиц, препятствий. Например, по словам отца:

Каждая группа получила продукты только 11-12 июля, раньше не могли получить, т.к. не было разрешения. Базы закладывались по приезде группы на место. Заблаговременно эта работа не проводилась не потому, что не хотели ее проводить, а потому что не имели времени. Кроме того, вопрос с отпуском продуктов решался два дня: отпускать нам продукты или нет.

13 июля утром командир и комиссар собрали командиров групп и политруков и дали указание выезжать на места. Присутствующий при этом 1-й секретарь обкома Гаевой сказал о задачах отряда:

«Ваш отряд будет находиться близко от города, а это значит, что первоочередным делом вы должны собирать разведывательные данные, информацию о делах в городе, о перемещении фашистских войск, а также проводить агитационную работу среди населения, организовывать саботаж и диверсии.»

Жизнь в лесу. Молодежь отряда.

Итак, на рассвете 14 июля 1942 г. отряд пошел в лес. Он насчитывал всего 48 бойцов, имел 35 автоматов, 18 винтовок и 150 гранат. Отец и Яковенко перед уходом в лес должны были выполнить задание по подрыву важных объектов города. Отец вспоминает, что он отвечал за подрыв в последние дни перед оккупацией следующих объектов: ТЭЦ з-да ОР, хлебозаводов, мясокомбината, з-да им. Пархоменко, ж.д. моста через речку Ольховка. 15 июля все выполнили и ушли в лес..

Между хуторами Паньковка и Христовое, примерно в 20 км от Ворошиловграда, расположилась группа отряда под командованием Рыбалко С. С. Тут же находился и штаб отряда во главе с командиром отряда Яковенко И. М. и комиссаром Третьякевичем М.И. При штабе также был подпольный обком комсомола, возглавляемый Надей Фесенко и горком комсомола во главе с Галей Сериковой. До оккупации они были секретарями РК ЛКСМУ города. Обе остались по заданию в тылу врага. Эти девушки были одними из самых активных бойцов отряда. С их помощью в городе и окрестностях была создана подпольная сеть комсомольцев-одиночек, действовала большая группа связных. В отряде была создана комсомольская организация, куда вошли 6 человек комсомольцев, в том числе и младший брат отца Виктор Третьякевич.

О том, как он оказался в отряде, отец пишет в своих воспоминаниях:

В начале ноября 1941 г., когда отец работал секретарем Октябрьского РК партии, к нему в кабинет зашел Виктор и стал просить отца написать письмо от РК в горвоенкомат, чтобы его взяли в армию.

Отец не стал этого делать, тогда Виктор сам пошел в горвоенкомат, но его не взяли, ему только исполнилось 17 лет. Отец уговорил его выехать к нам в Узбекистан и отправил с эшеленом от комбината «Ворошиловуголь». Но 1 января 1942 г. Виктор неожиданно возвратился в Ворошиловград, где тогда у

знакомых жили его родители, т.е. мои дедушка и бабушка. Оказалось, Виктор доехал до Куйбышева, услышал, что немцы разбиты под Москвой, и, решив, что в тылу ему делать нечего, вернулся в Ворошиловград.

В январе 1942 г. пошел заканчивать 10 класс в 7-ю школу, где потом в 1945-48 гг. училась и я. Несмотря на то, что почти половина учебного года была пропущена, он учился хорошо и даже выполнял общественную работу - выпускал школьную стенгазету, был комсоргом класса. После выпускного вечера Витя сказал, что выступал на вечере с речью.

- О чем же ты там говорил ? - спрашивает отец.

- Поблагодарил учителей, а потом сказал, что нужно всем включаться в борьбу с врагом - ответил Виктор...

Когда началось летнее наступление немцев, числа 10-го июля к отцу в горком пришел Виктор и стал проситься в отряд, при этом говорил, что скоро ему исполнится 18 лет. Отец настаивал, чтобы он эвакуировался в тыл. Но Виктор пошел к Яковенко и тот его принял в отряд в группу Рыбалко. Все дни до выезда в лес Витя проводил у Рыбалко - готовил оружие, снаряжение, продукты...

Отец пишет:

Я видел, как Виктор добросовестно исполнял поручения Рыбалко. Правда, эти поручения еще не носили боевого характера, например, спрятать для нас запас патронов, взрывчатки, продуктов, сделать с товарищами шалаш - это работа тоже была нужная. Нам приходилось запасы продуктов и оружия держать в нескольких местах - на случай раскрытия одной базы, чтоб были запасные.

- Хорошим бойцом ты меня наградил - обращаясь ко мне сказал Рыбалко о Викторе.

- Нет - говорю я, - за него благодари Яковенко, это он разрешил ему остаться.

Началась жизнь в лесу. Первые три дня группа Рыбалко и штаб отряда располагались на опушке леса между Паньковкой и Христовым, потом перебрались в центральный лес.

Партийные документы у людей оставались при себе, указаний не было, чтоб их сдавать в обком партии. Сначала партизаны клятву не принимали, не знали, что ее надо принимать. Но вскоре она была написана и 23 июля

торжественно принята в Паньковском лесу. В краеведческом музее Луганска раньше я видела листок из тетради, на котором рукой отца написана клятва и стояла его размашистая роспись. В 1997 г. ее уже не было в музее. В бумагах отца я нашла текст клятвы.

КЛЯТВА

Я, гражданин Великого Советского Союза, верный сын героического русского народа, клянусь, что не выпущу из рук оружия, пока последний фашистский гад на нашей земле не будет уничтожен. За сожженные города и села, за смерть женщин и детей наших, за пытки, насилия и издевательства над моим народом, я клянусь мстить врагу жестоко, беспощадно, неустанно. Если же по своей слабости, трусости или по злой воле я нарушу эту свою присягу и предаю интересы народа, пусть умру я позорной смертью от руки своих товарищей.

Паньковский лес. 23.07.42г.

До выезда в лес из-за отсутствия времени людей с оружием не знакомили. Помню, отец рассказывал, как он в лесу провел стрельбище 25 июля для группы Рыбалко, когда территория области была уже оккупирована. Немцы вошли в Ворошиловград еще 17 июля 1942 г.

В этот же день Надю Фесенко и Витю Третьякевича направили в город на разведку. Вернувшись, они рассказали, что гитлеровцы на высоких зданиях установили громкоговорители и на русском языке вели фашистскую пропаганду. Штаб немедленно приступил к агитационной работе: ежедневно по рации 2-3 раза в день слушали Москву, сводки Совинформбюро, сочиняли листовки. Тексты листовок составляли комиссар и командир отряда. Листовки распространялись в городе и в окружающих районах. Это делали комсомольцы отряда. В листовках призывали не верить фашистской пропаганде:

«...Не падайте духом, срывайте мероприятия оккупационных властей, поддерживайте и развивайте патриотический дух в городе.»

При посещении города собирали сведения о том, что делается в городе, какие там находятся войска. Этим часто занималась секретарь подпольного ГК комсомола Галя Серикова. Потом все сведения шифровали и передавали в Центральный штаб партизанского движения.

Когда я просматривала записи отца, то узнала, что мой дедушка Иосиф Кузьмич тоже приходил в отряд. Жаль, что я не знала об этом и не расспросила его. Ведь это был неблизкий путь - прошагать столько километров пешком.

Вот что рассказывал об этом отец:

Через 7-10 дней после оккупации я послал Юру Алексеенцева в город на разведку и одновременно поручил зайти к моим родным - сказать, чтобы отец пришел к нам в отряд. И отец два раза приходил к нам в отряд. Мы радовались встрече с ним. И Яковенко нравилось с ним беседовать. Отец особых данных нам не приносил, однако рассказывал обо всем, что делается в городе - что гестапо разместилось в здании НКВД на Красной площади и заняло здание банка. Сообщил, что организована биржа труда, которая занималась вербовкой молодежи в Германию.

Когда отец у нас ночевал, Витя с ним проводил вечер и ночь. Прильнув к друг другу, они спали вместе на траве в шалаше.

Последний раз отец приходил, когда уже в Паньковку прибыл карательный отряд немцев. Его задержали, но он сказал, что идет на огород. Подозрений у немцев он не вызвал и его отпустили. Все бойцы отряда радовались приходу отца - пожилого человека, готового разделить с ними их трудности.

Партизанам стало известно, что гитлеровцы готовятся проводить облавы, чтобы отправить 4000 человек из молодежи в Германию, поэтому размножили в большом количестве листовки с призывом укрываться от угона в Германию. Задание по распространению их получила Надя Фесенко. Она взяла с собой комсомольцев отряда - Забелина, Алексеенцева и В. Третьякевича. Распространили листовки в городе и ночью подошли к хлебозаводу № 5, где был немецкий склад боеприпасов, сняли охрану и взорвали несколько штабелей авиабомб и снарядов.

Однажды Юра Алексеенцев - ему было 16 лет - распространял листовки в нескольких селах. В Паньковке как раз староста проводил собрание. Юра во время разговора со старостой (он стал проситься заработать хлеба) приклеил ему на спину листовку на глазах у жителей. Староста долго ходил с листовкой

на спине, пока не приехали в село итальянцы, листовку перевели и старосту обвинили в большевистской пропаганде. Отец говорил:

- Люди благодаря листовкам знали о нашем существовании и у них появлялась вера в победу.

Диверсии

В конце июля на заседании штаба командир отряда Яковенко И. М. призвал действовать активнее и проводить не только агитационную и разведывательную работу, но и диверсионную. В связи с этим было решено в 2-3 дня провести партийные сборы во всех группах. Связь с другими группами была затруднена. Приходилось посылать неоднократно связных на их поиски. Некоторые группы распались (Боброва, Литвинова). На поиски группы Литвинова ходили дважды, судьба группы была неизвестна. Только с группой Громова держали постоянную связь.

Яковенко с М. Третьякевичем 24 июля направился в группу Громова, находящуюся на 10 км ниже по Донцу. В этой группе раздавались голоса, что лучше распустить отряд и вести индивидуальную борьбу. Тут командование отряда и увидело, что сказывается поспешность, с какой был сформирован отряд, - не смогли тщательно подобрать людей в отряд. Позже штаб решил перебазировать группу Громова, т.к. здесь им по-настоящему укрыться было негде. 5 августа группы Рыбалко и Громова соединились. Сам Яковенко с Надей Фесенко и Виктором Третьякевичем ходили искать группу Литвинова. Нашли разгромленную базу группы. Неизвестно было, где люди и что с ними. Как раз в это время, не доходя до леса 200-300 м, на Яковенко с бойцами отряда вышли полицаи и начали их обстреливать. Тогда он приказывает Виктору подползти к месту, откуда стреляли, и бросить гранаты. Виктор приказ выполнил, путь к лесу был открыт, полицаи убиты.

Позднее стало известно, что на группу Литвинова напали немцы. Сам Литвинов, не найдя другие части отряда, пошел в другой район и там, на хуторе Роголик, начал собирать людей в отряд. К ноябрю было уже до 50 человек. В октябре-ноябре 1942 г. они совершили несколько диверсий на ж.д. Миллерово-Красновка. Резали телефонные провода, уничтожали автомашины и даже сбили немецкий самолет над Казенною балкою.

Отряд стал активнее беспокоить немцев. Из записок отца:

- Группа Рыбалко получила задание уничтожить переправу через Донец у села Веселая гора. В вылазке принимали участие М. Третьякевич, П. Шевченко, Н. Соболев. Задание выполнили. На рассвете немцы начали прочесывать лес и партизаны перебрались вглубь леса.
- Фашисты навели понтонные мосты через Донец около хутора Обозный и при впадении реки Айдар в Донец. Начали переправлять по ним транспорт. Партизаны решили мосты уничтожить. Рыбалко разведкал подступы к мостам, из числа бойцов выявил хорошо умеющих плавать- Забелина А. и Третьякевича В. Под покровом ночи , захватив взрывчатку, они направились к мостам. Под один мост нырнул Забелин и под прикрытием товарищей взорвал его. Второй мост был подорван Виктором. Больше немцы в этих местах мостов не наводили.
- - В последних числах июля в штабе отряда стало известно, что через Донец будет идти немецкий обоз. В результате он был разгромлен, партизаны вернулись с трофеями- продовольствием и ящиками с гранатами.
- -1 августа в Паньковку прибыли немцы человек 50-60. В это время двое партизан пошли туда за продуктами, но узнали, что там немцы и вернулись обратно. На подступах к селу был поставлен немецкий пост из 4-х человек, который контролировал все вокруг. Решили его уничтожить. На разведку послали Виктора Третьякевича. Он подполз и слушал, о чем говорят немцы -Витя сравнительно неплохо знал немецкий язык и был переводчиком в отряде. До оккупации он посещал курсы немецкого языка.
- Яковенко дал команду быть в боевой готовности, что означало кроме автоматов иметь запасной диск патронов , 2 гранаты РГД и нож. Личные документы оставить в лагере. Пошли 7 человек, в том числе и братья Третьякевичи.

Отец вспоминает, что подошли они к немцам метров на 20. У Яковенко и Соболева автоматы отказали, получились одиночные выстрелы- качество

автоматов было неважное. Если не поддерживать коробку, то они стреляли одиночными выстрелами. ..Пост разгромили, забрали у немцев документы, часы, оружие и вернулись на место. Немцы начали обстреливать лес днем и ночью, пришлось уйти в другое место.

В то же время на немцев наскочила подвода из другого отряда - под командованием Сиворонова Я.И. У них была перестрелка, но обошлось без потерь. Их отряд насчитывал тоже человек 45-50.

- Сиворонов предложил нам действовать сообща. Три дня мы находились вместе на одной территории. Но 5-го августа начался обстрел леса, и отряд Сиворонова ушел от нас. Он предложил нам идти вместе с ними за Лисичанск, в Кременские леса. Мотивировал тем, что здесь очень плохие места для укрытия. Я поддержал его, но Яковенко категорически отказался: « Имеем задание действовать здесь, никуда не уйдём». Потом, когда мы пошли в Митякинский лес, он мне сказал - «Может быть лучше было бы если б мы пошли с Сивороновым».

Позднее стало известно, что часть партизан Сталинской и Ворошиловградской областей объединились под командованием Сиворонова Я.И. и комиссара Изотова Э.В. и двинулись навстречу Красной Армии (из книги «Твои освободители, Донбасс»).

Частые вылазки партизан и их активные действия против немцев привели к тому, что в район Паньковки и Христова было направлено 300 карателей. В пять часов утра 6 августа начался обстрел леса из орудий, пулемётов и миномётов. После усиленного обстрела немцы стали делать переправу к партизанам через Донец.

Даже в таких условиях продолжали писать и распространять листовки. Вот выдержка из листовки от 7 августа 1942 г., которую написал отец:

- Дорогие наши ворошиловградцы !

Мы, коммунисты-подпольщики, обращаемся к вам: не верьте лживой фашистской пропаганде... Банда Гитлера пытается убедить вас, что они разгромили Красную Армию... Недалек час, когда Красная Армия перейдет в наступление и освободит наш славный город...

Подпольный горком партии

За время оккупации подпольщики распространили более 50 тысяч листовок, газет, журналов.

Итак немцы отряд нащупали, вступить в открытый бой нельзя было - слишком неравные силы, поэтому решили этот район все-таки оставить. Было решено идти в Митякинские леса (Ростовская область), где не раз бывал Рыбалко. В отряде после слияния с группой Громова стало чуть более 20 человек. Перед уходом уничтожили переправу через Донец и 10 августа выступили в поход, пошли через пески Станично-Луганского района. Первую дневку сделали в районе Новой Кондрашовки.

Шли ночами с большими грузами. Утро застало их у неизвестного поселка, потом выяснили - хутора Пшеничного, где были немцы и полиция. Отойдя от хутора 500 - 700 м, остановились в кустах около речки. Впереди грейдер Станица Луганская - Нижне-Ольховка. Яковенко с Третьякевичем обсуждают - не исключено, что придется его переходить с боем. Скорее бы ночь, чтобы двинуться дальше. Просидели день до вечера. И вдруг за полчаса до подъема на них вышла женщина с коровой...

Я этот случай хорошо помню из рассказов отца. Он говорил, что пытались задержать женщину до ухода отряда, чтобы она никому не успела рассказать о них. Но это не удалось - она выбежала за кусты, а там голая степь и были какие-то люди. Отец сказал - «Давайте перейдем метров на 300.» Но никому не захотелось, так как все равно через полчаса собирались отсюда уходить.

Но все-таки забеспокоились, что женщина может выдать их расположение (так, по-видимому, и вышло). Решили провести совещание, собрали людей, предупредили, что, может быть, будет бой. Условились, что в любом случае нужно идти в Митякинские леса за реку Деркул. Рыбалко был родом оттуда, хорошо там ориентировался. На карте отметили место встречи.

Неоднократно мы в семье слушали рассказы отца про последние дни отряда. Каждый раз он сокрушался, почему же Яковенко не повел людей в Митякинский лес. «Ведь мы же с ним договаривались...».

Из книги «Мужество коммунистов»:

- Начался обстрел, на партизан шли немцы. Завязался бой, в котором смертельно был ранен старшина Шевченко П. Нужно было отходить, так как с хутора шло подкрепление немцам.

Яковенко сказал М. Третьякевичу, чтобы он с пятью бойцами прикрывал отход отряда.

Отец:

Я с группой 5 человек залегли и начали отстреливаться, а Яковенко с большой группой вышли наверх и метрах в 200-х залегли. Вместе с Рыбалко и тремя бойцами, прикрыв отход отряда, мы с боем прорвались через вражеское кольцо и пошли, как договаривались, в Митякинские леса.

- Когда немного утихла перестрелка, я поднялся и сказал товарищам, что пойдём вверх по ручью. Впереди шел Рыбалко, потом я, потом Скрыпников, затем подошли Ястреб и Алексенцев. Больше никого не было. Отошли 150 м по реке, начало темнеть. Ожидали остальных до 11 вечера, высматривали по одной и другой стороне реки. Посылали в разведку, но никого не обнаружили. Так как было условлено, что мы пойдём в Митякинский лес, мы с Рыбалко решили туда идти, надеясь найти там остальной отряд. Договоренности возвращаться назад в Паньковский лес у нас с Яковенко не было.

На вторые сутки пришли к месту назначения. Исходили весь лес в поисках отряда, но никого не нашли. Лес был длиной километров 10, шириной - 4 км. Вблизи - Митякинская станица, в 8 км по ту сторону Донца село Макаров Яр, откуда родом был Рыбалко.

12 дней мы находились в лесу. Рыбалко за это время встретился с земляками из Макарова Яра. Они нам достали продуктов. Три раза Юра Алексенцев ходил за хлебом в хутор Манацкий к тетке моей жены Хромушиной .

Мы решили выйти из леса, укрыться в хуторах и одновременно разыскивать товарищей. Я должен был укрыться в хуторе Манацком, Рыбалко - в Макаровом Яру, Скрыпников - в селе Красном, Алексенцев - на станции Ольховой, а Ястреба отпустили, так как мы его плохо знали, он не внушал нам

доверия. Потом подтвердилось, что он был ненадежным человеком.

После разгрома отряда

Таким образом, партизаны разошлись по разным местам. Отец сначала скитался по разным хуторам по одному дню, чтобы не вызывать подозрений.

Вот краткая хроника этих мытарств (из копии стенограммы беседы научного работника ЦК КПБУ Поповой Е.С. с Третьякевичем М.И.от 5 мая 1945 г.):

- Скрыпников меня проводил до хутора Манацкий. Там жила тетка жены, я пробыл у них один день, оставаться нельзя было - хутор маленький, 10 человек полиции.

Немцы восстановили мост через Деркул и каждый день приходили в хутор ночевать. Тетка боялась, что меня поймут. Я тоже видел, что здесь мне бесцельно находиться. Решил уйти.

Пошел на хутор Малиновый, оттуда на Песчаный. Пробыл там день и ночь, думал, что-нибудь услышать о товарищах из отряда. В этом хуторе было 4 хаты. Провел ночь у одного старика, потом ушел на опушку леса, где пробыл до вечера. Вечером опять вернулся в хутор Малиновый, оттуда пошел на Золотаревку. Там переночевал в сарае вместе с прохожими..

Надумал идти на Старобельщину. Была цель, что, может быть, удастся перейти линию фронта. Дошел за 2-3 дня до хутора Веселого Евсугского р-на. Остановился у фельдшера Петренко. Пробыл у него 6 дней. Помогал косить сено, ячмень. В хуторе была полиция, стали интересоваться у Петренко, кто у него живет, - пришлось опять уходить.

В хуторе было много военнопленных. Я познакомился с одним из них - Курносовым. Он показал мне спрятанный у него первый листок своего партийного билета. Предложил мне: «Здесь в километре проходит дорога на Евсуг - Беловодск, давай попробуем что-нибудь сделать». Мы взяли 4 гранаты, он

сбегал за автоматом, который у него был припрятан . Уже темнело. Пришли к дороге. Когда шла автомашина с немцами, я бросил в нее гранаты, а Курносов стрелял из автомата. Когда немцы спохватились, мы уже были на 150 м от них. Быстро скрылись и пошли в другое село - Литвиновку. Там переночевали. У нас было стремление перейти линию фронта.

Но у Курносова начала болеть рука и гноиться. Я предложил остаться на несколько дней. Это был совхоз Марковский.

Отец достал чужие документы и закрепился в зерносовхозе. Он оформил себе справку на имя Скрыпникова о том, что работал в этом отделении. Я ее видела среди материалов отряда в 1997 году в краеведческом музее Луганска. Она написана папиной рукой, чернила уже сильно выцвели. Подписана управляющим и бухгалтером отделения зерносовхоза.

В совхозе работали военнопленные- их было человек 85. К счастью, без конвоя. Отец пошел к управляющему, попросил остаться поработать дней на 10- тот согласился. Стал ближе знакомиться с людьми, как он пишет - «выявлять советское настроение этих людей». И уже 25 сентября организовал подпольную партийную группу. В нее вошли сельские коммунисты и бойцы Красной Армии : Вершков из Белокуракинского р-на, Чекотилло - бывший зав. отд. связи, Хмеленко - бывший председатель колхоза, Отучин - танкист, его танк разбили недалеко, на Кантемировке. Потом еще нашел людей - это Осокин, Гетманский, Рузавкин, Морозов. А Курносков, все-таки, через 3-4 дня пошел через линию фронта.

Решили готовиться к активным действиям. В октябре у них было уже 15 винтовок, 4 автомата, 400 патронов. Оружие хранили в балке, через 2-3 дня смазывали. Но в этой обстановке пока нельзя было предпринимать решительных действий. В основном, проводили беседы -собирались человека по 4 в саду, или на квартире под видом игры в карты и разговаривали. Пользуясь тем, что немцев не было, они организовали даже вечер советских песен, и все военнопленные пели эти песни. 6 ноября, когда получали ужин, в сарае, где было 50 военнопленных, отец провел беседу о 25-летию Советской власти. Все были в хорошем настроении, даже аплодировали.

Когда отец рассказывал про эти будни, мне все казалось таким обычным, как будто бы это происходило в каком-нибудь клубе в мирное время... Но тут стало известно, что в районе пошли плохие разговоры о них и кто-то из властей обещает приехать сюда для проверки. Поэтому 12 ноября отец и еще трое товарищей ушли- он принимает решение идти в оккупированный Ворошиловград, а они в Ростов, где надеялись перейти линию фронта.

В оккупированном Ворошиловграде

Отец все время находился под угрозой быть разоблаченным немцами. Поэтому он переходил с одной явочной квартиры на другую. Сначала на окраине города остановился на два дня у незнакомого ему Колесникова, затем перешел к Опренко, который был короткое время связным в отряде. У Опренко прожил месяц, до января 1943 г. Затем перешел к Родионовым, надежным друзьям, на Стахановский городок. Только ушел от Опренко, как через два дня к нему пришли немцы искать отца и забрали самого Опренко, правда вскоре выпустили. Он рассказывал, что гестапо уже было в панике и готовилось бежать из города. Но впоследствии Опренко был осужден уже органами НКВД на 10 лет. Его обвинили в том, что он якобы забрал себе одну из продовольственных баз отряда. в Паньковском лесу. Потом, после освобождения города, это отцу тоже ставилось в вину, поскольку Опренко был им рекомендован ,как хозяин явочной квартиры.

В доме Родионова отец жил в подвале, пока в дом не явились немцы. 20 немцев поселились в доме и отцу пришлось в тот же день уходить.

Одна из явочных квартир была у наших хороших друзей Кудрявцевых на ул. Карла Маркса. Кудрявцева Антонина Андреевна вспоминает:

Среди живущих в доме и во дворе были и друзья и враги. Одна из соседок все время угрожала , что выдаст нас, как покровителей партизан. Действительно, однажды к нам пришли с обыском и требовали фотографии Михаила Третьякевича- в это время в городе была объявлена крупная сумма за его голову. Перерыли все в доме, но ничего не нашли, т.к. незадолго до этого я все карточки сожгла. Через некоторое время к нам на квартиру поселили эсэсовцев. Они часто уходили и их подолгу не

было дома. И вот в один из таких дней, который был самым страшным днем в моей жизни, пришел к нам Михаил. Мы его спрятали у надежной соседки, где он пробыл несколько часов, а потом мой муж Александр Александрович, увел его на другую квартиру, где Миша надеялся пробыть долго. Когда шли, муж шел поодаль от Михаила и слышал от проходящих мимо них людей- «Это пошел Третьякевич». Его узнали, несмотря на то, что он был с бородой, в шапке-ушанке, с приподнятым воротником, но не выдали. Михаил перешел на квартиру к Донченко.

Она же вспоминает, что однажды пришел молодой человек, изможденный, усталый и спросил, как найти Михаила. Антонина Андреевна подумала, что, может быть, это кто-то подосланный. И не сказала, где находится отец. Но, все-таки, пожалела пришедшего и промыла и перевязала ему ноги - они были у него в крови. Проводив его, она побежала к отцу и рассказала об этом случае. Он сокрушался: «Как жаль! Это был наш человек». И предупредил Кудрявцеву, что должен придти еще один наш человек, летчик.

На одной из явок отец наладил связь с подпольем в городе и взялся за выпуск листовок. В листовке 8 января 1943 г. он писал:

Дорогие ворошиловградцы !

Вся итальянская и часть немецкой армии разгромлены Красной Армией на Дону. Красная Армия успешно наступает. Фашисты пытаются закрепиться на правом берегу Донца. Не идите строить укрепления, прячьтесь, это поможет скорому приходу Красной Армии в наш город.

Смерть немецким оккупантам!

А немцы ещё 19 августа стали выпускать газету «Нове життя» три раза в неделю. Городской комендант полковник Нагль издавал приказы. Вот выдержки из одного приказа: «Лица не явившиеся на работу, будут рассматриваться как саботажники, с применением к ним строжайших мер наказания по условиям военного времени».

Однажды, когда отец находился у Донченко Ивана Прокофьевича, во двор его дома

прибыл пулеметный взвод немцев с черепами на рукавах. И хотя отец находился обычно в погребе, оставаться здесь нельзя было, т.к. в доме разместились штаб немецкого полка. С трудом Донченко перевел отца к своей сестре, но туда «тоже наехали немцы и в ее халупе устроили сапожную мастерскую». Отец скрывался там на чердаке, но все равно пришлось уходить. Донченко его устроил к своей хорошей знакомой-Поповой, где отец пробыл 5 дней. Он мало ее знал, но Донченко на нее надеялся. Отец пишет:

■ У моей хозяйки перед этим стояли итальянцы и на табличке

было написано, что здесь живут итальянцы. Поэтому, когда группа немцев забежала во двор, и хозяйки не было дома, а я вместе с ее 17-летним сыном был заперт в квартире, они не очень настойчиво рвались в квартиру. Попробовали сбить замок- не сбили, и убежали , правда, по пути застрелили собаку. Здесь тоже было опасно находиться и Фаина Константиновна (хозяйка) предложила перейти к Дмитрию Пивоварову. Это был старый торговый работник города, у него четверо сыновей были в армии. Пивоварову я представился под чужой фамилией, как Скрыпников. Но оказалось, что он меня знал по работе, и предложил укрыться у него в доме на окраине города около аэродрома.

Так отец в оккупированном городе сменил восемь адресов. На последней квартире он жил 6 дней до прихода разведки Красной Армии. Из его рассказа о последнем дне оккупации и первом дне освобождения:

-Весь день 13 февраля 1943 г. и ночь на 14 февраля шла интенсивная стрельба с обеих сторон. Наши войска заняли Острую Могилу (на подступах к городу), фашисты в 3 часа утра 14-го начали отходить к центру города.

В 7 часов утра 14-го мы с Пивоваровым вышли на улицу и тут же встретились с группой в 50 человек наших бойцов под командованием ст. лейтенанта. Хотя

мы и знали, что в нашей армии введены погоны, но впервые увидели бойцов с погонами на плечах. Это выглядело по-особому торжественно. Ст. лейтенант спросил у меня покорооче дорогу к центру города, я предложил провести отряд до ж. д. вокзала, а в это время уже по Ленинской улице шли части Красной Армии. Я нашел командира полка, потом командира дивизии. Зам. командира дивизии подполковник Орлов со мной долго беседовал. Кроме справки на Скряпникова у меня никаких документов не было. Когда я у него находился, зашли четверо коммунистов, которые подтвердили, что я Третьякевич. Я шел по освобожденному городу . Жители вышли на улицы, радовались, обнимались. Город горел, дома разрушены, на улицах было на метр грязи и льда. И вот одно из самых счастливых событий- ко мне стали подходить наши подпольщики из отряда. Первые, с кем я встретился в это хмурое, но радостное утро, были Морозов, Пронин, Соболев, Хмаренко, Громов. Громов и Пронин сообщили печальную весть о гибели командира нашего отряда Яковенко.

Отец приступил к организации Горкома партии. Нашел машинку, машинистку, отпечатали 50 объявлений, чтоб все коммунисты и кандидаты партии явились в горком. Нашел помощников, начали регистрацию-регистрировал Плотников, это был первый работник горкома. Стали обсуждать, где временно разместить горком , ведь почти все дома разрушены. Нашли одноэтажный домик на ул. Юного Спартака, где при оккупации была немецкая сельхозкомендатура. ГК партии начал действовать. Сразу же по разным вопросам шли люди в горком - кто за помощью, кто с сообщением о мародерах, о скрывавшихся полицаях и т.д.

Приходится удивляться, какую ответственность отец взял на себя одного и сколько ему пришлось сделать за 2-3 дня, пока не прибыли все руководящие органы города. Вот вкратце об этом:

- после организации Горкома в первую очередь срочно подобрали и послали уполномоченных ГК на все предприятия города, чтоб

организовать охрану оставшихся ценностей от пожаров и мародеров, чтоб набирать рабочую силу и начать расчистку завалов. Для уполномоченных отпечатали мандаты за подписью Третьякевича, но без печати, т.к. ее пока не было.

- На мелькомбинате было оприходовано 10, 2 тысячи тонн зерна.
- Обнаружили в подвале рыбного магазина два вагона газетной бумаги. Разыскали наборщиков и уже на 2-й день после освобождения города -15 февраля- вышел первый номер газеты с сообщением Совинформбюро и поздравлением жителей .

В 11 часов утра 14-го в горкоме партии отец встречал командование корпуса, который освобождал город , во главе с генерал-майором Запорожченко. Корпус шел от Волги, вел ожесточенные бои, ряды его поредели. Поэтому обсуждали вопрос о мобилизации в армию. Поскольку военкомата еще не было, мобилизацией занимался тоже горком. С нач. политотдела корпуса договорились провести в городе митинги.

В горком потоком шли жены, матери с просьбой помочь с питанием для детей и стариков. Отец продолжает:

В конце дня я поехал на мелькомбинат, где договорился, чтоб в течение двух дней соорудить примитивную мельницу для помола зерна.

- От мелькомбината - на военный аэродром, где пришлось организовывать охрану захваченных нашими войсками 72-х самолетов до приезда трофейной команды корпуса.

-В этот же день разыскали связиста Науменко, которому поручили устроить связь хотя бы на 10 номеров. Через два дня в городе действовала примитивная телефонная связь.

Жители приводили оставшихся по разным причинам в городе немцев, итальянцев - пришлось в одном из домов размещать и охранять пленных, пока не придут советские органы.

Рабочий день в горкоме 14 февраля 1943 г. закончился в 3 часа ночи

Следующий день был таким же насыщенным. Поздно вечером

15-го приехал Степан Емельянович Стеценко, 1-й секретарь горкома, мы расцеловались. Он имел поручение Обкома

партии организовать городской совет депутатов трудящихся. А 17 февраля уже приехал 1-й секретарь Обкома партии А. И. Гаевой и другие товарищи.

Я с интересом слушала рассказы отца о первых днях после освобождения города. Чувствовалось, что он гордился собой, что остался при немцах и не эвакуировался, как многие другие партийные деятели, в тыл.

И с особой гордостью рассказывал, как восстанавливал власть после освобождения, когда он был в одиночестве из руководителей города.

В первые дни было столько работы, что отец не успевал сбрить свою густую партизанскую бороду, которая помогла ему при немцах скрывать свою молодость. С бородой он казался намного старше своих 32-х лет. Голова еще больше поседела, но вот борода была совсем не седая. Отец боялся, что полицаи могли принять ее за фальшивую, а не хотелось бы привлекать лишний раз к себе внимание.

Сразу после освобождения города, в первый же день, отец договорился с командованием корпуса, который освобождал город, о совместном проведении торжественного митинга. На митинг собрались тысячи людей. У всех было приподнятое настроение. Папа выступил первым, поздравил горожан с освобождением от оккупации, говорил с большим подъемом и радостью. Несмотря на усталость, он выступал легко и торжественно. Рассказал о партизанском отряде.

Среди присутствующих на митинге вместе с корреспондентами газет оказалась женщина-художник, которая предложила отцу написать его портрет, чтоб осталась память о партизанских днях. И когда, наконец, папа собрался сбрить бороду, он вспомнил о ней. Так у нас появился настоящий портрет отца, написанный масляными красками, в репинском духе. Но вот фамилии автора я, к сожалению, не знаю.

Судьба отряда

Командир отряда Яковенко и с ним 16 человек после боя у хутора Пшеничного не решились идти искать Митякинский лес и вернулись назад в район Паньковки. Снова стали выпускать листовки. Пытались найти своих товарищей или связаться с другим подпольем, которым руководил Стеценко. Но не удалось. Жительницы Паньковки Удовиченко и Павленко продолжали

поддерживать связь с отрядом , пекли для них хлеб, стирали белье. Отряд продолжал жить.

В начале сентября Надя Фесенко направляет Виктора Третьякевича с заданием для связи с комсомольцами и, как предполагается, для организации подполья в Краснодаре, где он жил с родителями и многих знал. Там он был замучен в гестапо и с другими молодоговардейцами сброшен в шурф шахты 15 января 1943 г. Сама Надя Фесенко и Галя Серикова занимались агитационной работой в Ворошиловграде. Сначала была схвачена Галя, а в конце сентября при попытке перейти линию фронта -Надя. Они сидели в одной камере, и Надя Фесенко сумела оттуда посылать записки на волю и руководить комсомольцами из тюрьмы. Галя была расстреляна в конце октября, а Надя в начале декабря. Отец часто о них вспоминал и всегда с большой теплотой. Он читал их записки из тюрьмы, приводит их в своих воспоминаниях. Восхищался их храбростью и находчивостью в борьбе с немцами в тылу врага.

15 сентября 1942 г. на оставшийся отряд под Паньковкой пошли каратели. Был бой, в котором погиб командир отряда Иван Михайлович Яковенко. 16 сентября погиб Юра Алексенцев. Он пробрался в Паньковский лес, чтоб найти и похоронить командира. Его обнаружили враги, тяжело ранили и он погиб, подорвав себя гранатой. Женщины, которые помогали отряду - Павленко и Удовиченко - похоронили Юру в лесу, хотя полицейские запрещали. Потом его прах перенесли в братскую могилу хутора Христовое. Рыбалко решил остаться в Макаровом Яру и собрать группу. Но его схватила полиция и вскоре его расстреляли в гестапо Ворошиловграда. Погиб при переходе линии фронта политрук латыш Пигли. Оставшиеся в живых из отряда влились в другие отряды.

Трагически сложилась судьба у активного участника партизанского отряда, командира группы Литвинова Николая Семеновича. На оккупированной территории ему помогал скрываться от немцев сельский староста. После ухода немцев Литвинов дал этому человеку справку о том, что он помогал партизанам. За это поплатился сам Литвинов - его исключили из партии, осудили на 10 лет и отправили в лагеря Казахстана. Когда это случилось, жена Литвинова Фаня Григорьевна прибежала к нам сообщить об обыске у них и аресте. Другого командира группы - Громова - тоже исключили из партии и осудили. Правда, выпустили его через год-полтора. В вину ему поставили тот факт, что он скрывался от немцев у женщины, которая якобы

имела с ними связь. (О Литвинове и Громе мне рассказывала моя мама. Она также рассказала, что за моим отцом после освобождения города была установлена слежка двух агентов госбезопасности, которая продолжалась несколько лет, пока ее не отменил 1-й секретарь обкома Гаевой А.И. Об этом стало известно много лет спустя. Отец чувствовал эту слежку).

За время деятельности отряда было уничтожено 113 фашистов, взорвано два моста через Донец, разрушены переправы, метеостанция, автомашины, разгромлены обозы; распространено 50 тысяч листовок и газет, группой Литвинова сбит немецкий самолет.

Эпилог.

На школе № 7, в которой я училась и окончила в 1948 г., находится мемориальная доска:

В этой школе учились Алексенцев Юра, Пятеркин Виктор, Третьякевич Виктор, павшие смертью храбрых в годы Великой Отечественной войны.

В городском сквере Луганска на улице Ленина похоронен командир отряда Яковенко Иван Михайлович. На памятнике - традиционный орел с распростертыми крыльями .

Комиссар отряда Третьякевич Михаил Иосифович после освобождения Ворошиловграда работал 2-м секретарем горкома партии. В начале 1944 г. на бюро обкома он был отстранен от работы секретаря в связи с клеветой на его брата Виктора Третьякевича и направлен на работу в небольшой шахтерский городок Паркоммуну (сейчас г. Перевальск).

Помню эту жуткую ночь, когда мы с мамой ждали папу с этого бюро. Я не очень разбиралась в том, что происходит, ведь мне было всего 13 лет, но понимала, что это что-то страшное и неприятное для нашей семьи. Я лежала на кровати, но не спала, а внутри билась мелкая дрожь. Не могла понять, за что папу можно наказывать, когда он заслужил только хорошее - оставался на свой страх и риск при немцах, в партизанах. Мама не прилегла всю ночь, она просидела на подоконнике, выглядывала в окно отца. Здание обкома было видно из нашей квартиры. Конечно, она боялась худшего, что исключат отца из партии, что, может быть, арестуют. А через полгода должен был родиться мой брат...

Вдруг мама вскрикнула, я вскочила с кровати - наконец, она увидела, что папа идет один от здания обкома, по улице к нашему дому. Когда папа пришел, я успокоилась и снова легла в кровать, и сквозь сон слышала, как в соседней комнате папа с мамой о чем-то долго говорили, говорили... Потом как-то мама рассказала (ее воспоминания записаны братом несколько лет назад), что на бюро обкома те партаппаратчики, которые отказались остаться в подполье и, возвратившись из Средней Азии, заняли снова свои места, рьяно нападали на отца. Особенно нападал Ильясов (госбезопасность). Все, что папа рассказывал об отряде, он ставил под сомнение и по каждому поводу спрашивал: «А кто докажет? Кто подтвердит?» Отец отвечал: «Я же не мог водить с собой свидетелей». Ильясов спрашивает: «Сколько ты лично убил немцев?» Отец - «Одиннадцать». Ильясов - «Почему так мало?». Отец: - «Ну, моя задача была больше в организации и руководстве...» и не выдержав, вспылил - «А ты сколько убил немцев?!». Отец был благодарен 1 секретарю обкома Гаевому, что тот старался сдерживать Ильясова. Много лет спустя отец встретился с ним на улице, когда тот уже не занимал высокого поста. «Миша!» - радостно он бросился к отцу. Отец говорит, что у него все закипело: «Ты ж хотел меня посадить!». Тот: «Тогда время было такое...» Отец не стал с ним разговаривать. Однако клевета на Виктора здесь сыграла свою роль, и «бюро обкома партии 29 мая 1945 г. приняло решение об исключении Виктора Третьякевича и его старшего брата Михаила Иосифовича из списков партизан и подпольщиков Ворошиловградского областного партизанского отряда» («Жизнь Луганска» №39, сент. 1993 г.)

На бюро обкома присутствовал секретарь по пропаганде Шевчук Н.С. Он считался другом нашей семьи. Перед оккупацией отец ему предложил остаться в партизанском отряде. Но тот отказался сам и отцу не советовал. На бюро он почему-то вел себя провокационно, например, сказал, причем по-украински, смысл такой - если б хорошо воевали, то организовали бы восстание в тылу. («Повстання треба було пидняти») После бюро он подошел к отцу и сказал: «Ну что? Кто остался в дураках?». Однако и в дальнейшем он продолжал поддерживать хорошие отношения с нашей семьей.

После Паркоммуны отец работал в районном центре области - в Красном Луче, а потом, в 50-70 гг. уже в Луганске в Горпищеторге, на хлебозаводе, в городском подсобном хозяйстве.

Последние годы будучи пенсионером, отец много ездил по стране от общества «Знание» и по своей инициативе. Его приглашали во многие города - Ленинград, Ульяновск, Тюмень, Владимир, Муром, Омск, Томск, Пермь, Грозный, Рига и многие другие разных республик СССР - с рассказами о партизанской борьбе и «Молодой Гвардии». Осталось много фотографий, сувениров, писем от этих встреч.

Умер скоропостижно в 1980 г. 69 лет. Похоронен на городском кладбище Луганска.

Когда я в последние годы приезжала в Луганск, мы с моим младшим братом Витей, названного так в честь дяди - молодогвардейца, часто говорили о папе, особенно когда прочитали все его воспоминания. Однажды брат мне говорит: «Представляешь, сколько папа тяжелого пережил в своей жизни, а мы толком об этом у него никогда не спрашивали, и сам он ничего не рассказывал, кроме партизанских будней. А сколько ему пришлось вытерпеть в оккупированном Луганске, когда его преследовало гестапо и даже цену за его голову назначили; как обрушилась на него весть о гибели брата Виктора и клевета на него; и как после всего этого ещё нужно было выдержать жестокое испытание на бюро обкома, по существу, допрос госбезопасности и в завершение ещё и исключили из списков партизан!...» Да, мы жили рядом с незаурядной личностью, не ценя этого.

В быту папа был очень добрый, спокойный и остроумный человек. Любил разыгрывать внуков, наряжаясь смешно и подражая голосам разных животных. Мой сын вспоминает с удовольствием, как дедушка, когда работал на хлебозаводе, водил его туда и показывал, как пекут хлеб, а дочь уже была на другом месте дедушкиной работы, в подсобном хозяйстве. Там она впервые в своей жизни увидела свиней и очень их испугалась. Папа любил играть в преферанс. Это был настоящий ритуал: накануне готовились два стола - один для игры, другой - с выпивкой и закуской. Приходили друзья -преферансисты, это были старинные знакомые еще с довоенных времен - и всю ночь шла серьезная игра!

Папа мог взять балалайку в руки и запросто на ней сыграть, сесть за пианино и проиграть незатейливые мелодии. А его брат Володя брал гитару и своим красивым баритоном подпевал. Папа с мамой жили очень дружно, вместе обсуждали семейные проблемы, заботились друг о друге. Когда папа о чем-то думал своем, то ходил по квартире, заложив руки за спину. Эту его походку

копировали внуки - мой сын и сын брата, когда им было лет по пять. Папа любил посидеть в одиночестве летом в тени на веранде, о чем-то думая. Может быть, как раз в такие минуты он и перебирал в памяти горькие моменты своей жизни, но опять же не посвящая в это никого из нас..